

З.Д. Т и т о в а

**Г.С. БИЛЬДЗУКЕВИЧ И ЕГО
«ЖИВОПИСНЫЙ АЛЬБОМ»**

Фонды Отдела рукописей Российской национальной библиотеки содержат богатые материалы по этнографии народов Сибири XVII–XIX вв. Многие из этих материалов были опубликованы в 1972 г. автором настоящей статьи¹. Однако позже я обнаружила и другие рукописи, посвященные народам Сибири, которые в указанную публикацию не вошли. Среди них особое место занимает «Живописный альбом» (1859 г.) Гектора Станиславовича Бильдзукевича². К сожалению, сведения об авторе альбома нам удалось найти только в адрес-календарях за 1850–1870-е годы.

Согласно этим сведениям, Г.С. Бильдзукевич в 1859–1860 гг. служил коллежским секретарем в окружном суде Приморской обл. Восточной Сибири³. В 1862–1863 гг. он занимал должность земского исправника в г. Гижиге (Гижигинске) Приморской обл. и имел чин титулярного советника⁴. В 1871 г. надворный советник Г.С. Бильдзукевич служил в должности асессора Совета областного правления Приморья⁵. Дальнейших сведений о нем нет.

Гектор Станиславович не был ученым-этнографом, но несомненно, как человек образованный и культурный, увлекался краеведением. Он описывал то, что видел, поэтому для истории науки важны свидетельства краеведа первой половины XIX в.

Находясь в Приморской обл., Г.С. Бильдзукевич заинтересовался бытом местного населения и в свободное от службы время посещал места проживания некоторых народов. В этих поездках он, по его словам, собрал «небольшую коллекцию видов и некоторых замечательностей местного края с приложением краткого описания». Свои рисунки, сопровождаемые записями, Бильдзукевич назвал «Живописный альбом». Посвятив свой труд Н.Н. Муравьеву-Амурскому (с 1847 г. генерал-губернатор Восточной Сибири), автор «Альбома» в письме к нему из Николаевска-на-Амуре от 1 мая 1859 г. писал: «Всегда единственной было моей мечтою в Сибири посвятить себя службе на Амуре; и назначением сюда я беспредельно остаюсь обязан Вашему Сиятельству, – как ни неудачен здесь первый служебный шаг мой, я почту однако же себя счастливейшим в мире – если скромный труд мой как плод досуга в часы от служебных занятий и того увлечения, которое проникло и взволновало душу мою, столь чудные совершающиеся события в далеком крае – Ваше Сиятельство труд этот приймете с неизменною своею ласкою и благосклонностью...»⁶. В этом же письме Г.С. Бильдзукевич просит разрешения публиковать «Альбом» разделами при издании «Художественного листка», «пользующегося у нас всеобщей народностью»⁷.

Желание видеть свой труд опубликованным в приложении к популярному журналу Бильдзукевич объяснял тем, что «в настоящее время современный ход событий в отдаленном востоке возбудил столь сильный интерес в публичности, что каждое известие с этого края перенимается с отменной жадностью и читается с любопытством».

Первое знакомство русских с народами Амура состоялось в XVII в. во время походов на Амур Василия Пояркова и Ерофея Хабарова, но оно было непродолжительным, так как после Нерчинского договора 1689 г. русские отказались от Амура в пользу Китайской империи. Только в середине XIX в. (1849–1855), после заключения Айтунского договора, весь левый берег Амура и Уссурийский край отошли к России. С этого времени возрастает интерес к Амурскому краю, снаряжаются научные экспедиции для изучения местного населения.

Теперь обратимся к самой рукописи. Она представляет собой альбом *in Folio* (34 × 29), в картонном переплете с рисунком, названием «Живописный альбом. 1859» и подписью «Hektor Bildziukewich». На л. 3 – полное название: «Живописный альбом. С приложением краткого описания замечательнейших видов и местностей на берегах

р. Шилки, Амура и Восточного Океана. 1859». На л. 4 – посвящение графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому. Рукопись состоит из 11 разделов. Первые четыре посвящены описанию «замечательнейших видов и местностей на берегах рек Шилки и Амура и Восточного Океана». В пятом и последующих разделах Бильдзукевич изложил результаты своих наблюдений над народами Приморской обл. В рукописи 22 авторских рисунка, на которых изображены животный и растительный мир, типы местного населения, жилища и др. Эти рисунки представляют большой интерес, так как до середины XIX в. не существовало графических изображений представителей народов Севера, их жилищ и т.д.

Ниже мы публикуем отрывки из «Живописного альбома», содержащие этнографические материалы. Текст воспроизводится с учетом современных норм орфографии и пунктуации с сохранением в ряде случаев авторских особенностей.

* * *

«В окрестностях Горбицы⁸ и по течению Шилки до впадения ее в Амур обитает бродячее племя тунгусов – орочены⁹.

Кочевья этого племени расположены по рекам: Алдану, Джее¹⁰, Шилке, Аргуни и отчасти Амуру. Ведя кочевую жизнь, орочены постоянно переезжают с одного места на другое смотря по тому, где более им предстоит удобства для прокормления своих оленей и звериных промыслов. Эти переселения не представляют, однако же, для них большого труда; походные юрты они свертывают в трубку (юрты их обыкновенно делаются из бересты, которую они умеют весьма хорошо приготовлять – они варят ее, через что она получает мягкость, и шивают конскими волосами), навьючивают на оленей и тянутся длинным караваном на новое жилище, которое также оставляют, как и прежнее. Если же орочен вздумает остановиться, он тотчас же срубает несколько шестов, ставит их конусообразно и бока покрывает берестою, оставляя вверху небольшое отверстие для выхода дыма – посреди юрты разводят огонь, на камнях ставят котел, расстилают оленьи кожи и садятся вокруг огня раскуривать трубки. Все их имущество состоит в платье, звериных кожах, съестных припасах и т.д. Это богатство обыкновенно сложено около юрты на нартах и прикрыто оленьими шкурами – никто не стережет своей собственности, но каждый наслаждается после трудов спокойным сном и столь же спокойно на долгое время оставляет свою юрту, не беспокоясь, что сосед позавидует и пожнет плоды его трудов.

Орочены, подобно всем тунгусам, это суть лесные скитальцы пустынь Сибири – они не отличаются, подобно самоедам, ...патриархальностью и чистотой нравов, столь неприкосновенно сохранившихся на отдаленном севере. Между ними нет никаких законов благоустроенного общества, никаких постановлений общественной жизни. Хотя некоторые из них и крещены, но большая часть без религии и кроме грубых верований шаманства и некоторых преданий – ничего не знают.

Источником религии шаманской, распространенной во всей Северо-Восточной Азии, должно почитать Китай. Служение шаманства состоит в жертвоприношении Небу, т.е. силе, управляющей миром, и онготом – душам людей, которые при жизни делали добро и по смерти, как добрые духи, благотворят человечеству. Конечно, сибирские шаманы, большую частью люди необразованные, изучая свое верование по одним рассказам, свели его на степень грубого шарлатанства. Из племен Сибири шаманство распространено у якутов, тунгусов, остыков, бурят, чукчей, самоедов и др. (рис. 1). Шаманство глубоко уважается этими невежественными народами и, почитая шаманов как жрецов, они слепо веруют в их рассказы и обманы. Для достижения сего звания требуются особенная ловкость, мечтательность воображения и гибкость членов, чтобы казаться иступленным при заклинаниях. Обязанности шаманов – лечить больных, утишать бури, доставлять счастье в заемных и рыбных промыслах и, наконец, узнавать будущее. Приглашенный к больному шаман начинает заклинать злых духов, мучающих больного, и для жертвоприношения убивает какое-нибудь животное. Все их

Рис. 1. Самагирская шаманка. Л. 6.

Рис. 2. Ороченка. Л. 7.

проделки обыкновенно совершаются около огня. Во время этих заклинаний – призыва духов – шаман приходит в какое-то забытье, дикий восторг; с аккомпанементом бубна, он воет постепенно возвышающимся голосом, кружась и кувыркаясь прыгает через огонь, как исступленный, колотит себя в грудь и голову до того, что изо рта у него появляется пена, и, наконец, падает как бы замертво. В это время изумленные зри-тели полагают, что душа шамана беседует с духами, явившимися на его призывы. Иногда шаман неожиданно вскакивает, выхватывает нож и вонзает себе в живот. Вонзание ножа делается с удивительной ловкостью и почитается самым последним фокусом из множества шаманских штук. Этим шаманским фокусам веруют не одни туземцы: многие русские простолюдины, живущие в Сибири, также убеждены во всеведении и могуществе шаманов.

Наряд шаманов состоит из длинного полукафтана, сшитого из оленьей кожи и увешанного бесчисленным множеством металлических погремушек, колец, блях и прочего; все это при шаманстве производит ужасный шум. Бубён, снабженный тоже погремушками с деревянным пестиком, есть необходимый атрибут шамана – как знак его достоинства и музыкальный инструмент.

С умилением смотрит дикарь на беснующегося шамана и отдает ему последнего соболя, надеясь на его гаданье. Некоторые из шаманов, пользующиеся особыенным доверием, по смерти причисляются к божеству, его могилу обозначают разодраным бубном, и всякий набожный поклонник шамана не минует бросить на могилу лоскут тряпья или какое-нибудь другое приношение.

Семейные отношения у орочен основаны на взаимном соглашении. Желая приобрести себе подругу, орочен должен заплатить родителям невесты калым, т.е. условное число оленей, звериных кож, домашней утвари... – смотря по средствам и богатству жениха. Когда калым заплачен, тогда жених приезжает к юрте своей невесты в сопровождении родственников и друзей. Невеста в это время находится в юрте, окружена своими подругами и ее с большим усилием должно отнять от этих подруг – она кричит, бьется, вырывается, но проворные орочены ловко ее подхватывают, перебрасывают через седло и скачут со своей добычей к юрте жениха, где после исполнения самых незатейливых церемоний и обрядов она вступает в права хозяйки, и начинают пировать на весь улус – пьют и едят до последней возможности, поют, пляшут, стреляют из луков и т.д. Некоторые из богатых орочен имеют по несколько жен; отношение жены к мужу совершенно рабское: муж имеет право свою жену

продать, променять, подарить, – словом, распорядиться как вещью. Обилие дочерей у них составляет некоторым образом род богатства; ибо, отдавая их в замужество, не только нет нужды заботиться о приданом, но, напротив, еще жених должен заплатить за них условленную плату.

Орочены, подобно тунгусам, росту небольшого, сложения крепкого, волосы и глаза имеют черные и блестящие, лицом калмыковаты, как и все вообще азиатцы; говорят наречием языка маньчжурского (рис. 2). Нравы их кротки, они послушны, робки, но эта робость обращается в дикое неистовство при первом стакане выпитого спирту, к чему они большие охотники, как и все дикари.

Обитая посреди гор и лесов, орочены не могут иметь других домашних животных, кроме оленей. Олень – это кроткое, благородное животное – составляет все богатство орочена; он гордится многочисленным стадом своим, дорожит каждым оленем и не прежде решится заколоть одного из них, пока неудачная охота и нескользкодневный голод семейства не доведут его до крайности. Некоторые из зажиточных орочен имеют стада до 5000 голов. Орочен ездит на олене, питается его мясом и одевается в его кожу. Доставляя столько выгод хозяину, олень не стоит ему даже заботы: летом кормится травою, а зимою – мхом, откалывая его из-под снегу. Никакое животное не может быть столь способно для верховой езды по горам, тундрам и лесам Сибири, как олень. Олень всегда идет скорым шагом и легко может в сутки делать до ста верст; уставши, ложится, отдохнув же несколько минут, встает и продолжает дорогу. При перекочевке улусов на оленях сидят только женщины, мужчины же идут по большей части пешком.

Орочен, бродя по необъятным лесам Сибири, никогда не сбьется со своего пути; он берет свои стрелы или винтовку, садится на оленя и отправляется на промысел куда глаза глядят, приказав жене со всем своим богатством перебраться в такое-то место или на такую-то речку и ожидать его. После удачных промыслов он спешит с добычею к голодному своему семейству и всегда их найдет в указанном месте.

Кочевых орочен иначе называют кангаласские тунгусы. Тунгусы же вообще, как можно полагать, суть выходцы из Восточной Азии; были ли обитатели в этих странах прежде их – следов нет, и весьма правдоподобно, что Маньчжурия есть колыбель сего кочевого племени, откуда оно и разлилось во все стороны, гоняясь за дикими зверями. Населенный Китай не мог ответствовать образу жизни народа бродячего, и пустынный север манил их изобилием пищи и привольем кочевья. Продвигаясь постепенно к северу, они не встречали неприятелей до самой Камчатки; к западу они нашли чуждые им племена только на р. Оби. Таким образом, тунгусы бродят на протяжении более 5000 верст, от р. Оби до берегов Восточного океана. Ламуты, коряки, чуванцы, юкагиры, карагасы, дауры, солоны, натки, гольды и гиляки – суть все тунгусского племени, сами же тунгусы подразделяются еще на тунгусов кангаласских, майских, учурских, удских, верхоянских, вилюйских и других.

Существуя может быть несколько тысячелетий, занимая широкую площадь в Восточной Азии, племя тунгусов немноголюдно. Образ жизни этого народа препятствует его размножению. Частый голод, худое помещение, особенно зимою, без сомнения, подвергают их преждевременной кончине. Хотя все они сложения крепкого, жару и мороз переносят терпеливо; но болезни, закрывшись между ними, делают поголовные истребления, особенно оспа. Нередко целые улусы истребляются этой страшной эпидемией. С появлением ее здоровые поспешно удаляются в дремучие леса, оставляя больных на произвол их горькой участи – так брошенных без помощи ожидает неизбежная гибель... Бедные их юрты заносят снежные сугробы, и вскоре в этих же юртах остаются лишь окоченевые и обезображеные трупы целых семейств!... Летописи наши молчат о степенях этих страшных опустошений, но по изустным преданиям, соображению этого бесприютного житья в суровом климате и сравнению позднейших замеченных утрат, все отделы этих бродячих племен значительно сократились в людности и иные даже совершенно вымерли!...¹¹

Народонаселение Амура, раскинувшееся по всему его громадному протяжению,

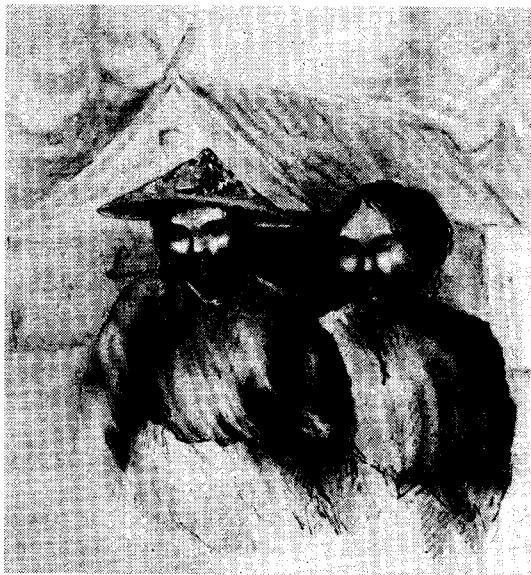

Рис. 3. Гиляки. Л. 12.

сверх русских поселений заключает до десяти инородческих племен – оседлых, полуоседлых и кочевых¹².

К кочующим инородцам Амурского края принадлежат тунгусские племена: оро-чены, беляры, ганцы, кепляры и манегры¹³; к разряду оседлых – маньчжуры, неканы и дауры. К оседлым племенам можно было бы отнести гольдов, маньгунцев, самагирцев и гиляков (рис. 3), но так как они вовсе не знакомы с хлебопашеством и часто перемещают место своего жилища, раскидывая временные юрты в местах, более удобных для звериных и рыбных промыслов, то их должно причислить к полуоседлым племенам.

В 1854 г. первоначальное появление наших судов на Амуре встревожило мирных туземцев, но увидев, что ничего от них не требуют, они оставались в скромных своих жилищах, оказывая русским истинное радушие и гостеприимство. Ознакомившись ближе и встречая взамен маньчжурского грабежа и порабощения дружеское расположение, справедливость и покровительство, мы нашли в них самых ревностных поборников нового порядка вещей и готовность подчиняться правлению – более краткому и справедливому!...

В верховьях Амура обитают кочевые племена тунгусов и манегры. Они занимаются звериными и рыбными промыслами, платят ясак Китаю соболями, постоянно перекочевывают с места на место и первое блаженство полагают в том, чтобы жить под открытым небом и дышать вольным воздухом!

Маньчжуры суть владетели богатых равнин среднего Амура при впадении Зеи. На этой плодоносной полосе тянутся по обеим сторонам реки их многочисленные деревни и отдельно разбросанные дома среди тщательно обработанных полей.

Несмотря на незначительное пространство, занимаемое селениями маньчжуро-в, они встречаются почти по всему протяжению Амура. Причина распространения этого от природы лукавого народа заключается в стремлении извлечь какими бы то ни было путями всю возможную выгоду от соседей и в учреждении сторожевых постов для надзора за подвластными племенами и сбором податей. Подать на подвластные Китаю кочевые племена положена по 15 соболей с души мужского пола (от 15 до 60 лет). Сбор ясака производится начальниками постов, которые суть самые отъявленные торгаши, безжалостно обдирающие кротких скитальцев. Не заплатившего подать

отвозят в ближайший город, где дозволяется ему приобрести ясак покупкою. Лукавые торгари за непомерные цены предлагают ему свои услуги, и должники до уплаты долга поступают к ним в рабство(...)

Власть маньчжуров, по-видимому, тяготеет всего более над племенами, расположеными по берегам нижнего течения Амура. Под опасением смертной казни им воспрещено подыматься по Амуру выше Сунгари. Причиною такой строгости относительно кротких низовых племен служат мелочные маньчжурские купцы. Этот класс маньчжуров, спускаясь из городов Сунгари к разбросанным селениям гольдов, магунцев, самагирцев и гиляков с грузом всякого китайского товара, снабжает их всем нужным и променивает привозимые товары на соболей, лисиц и пушных зверей, а также на рыбьи шкуры и клей, конечно, с огромною выгодою для себя(...)

Дауры разбросаны между быстрою частью Амура, выше Сунгари и г[ородом] Айгуном. Их домашнее хозяйство ограничивается разведением огородных овощей, и дома служат как бы местом отдыха после продолжительных охот в горах, довольно отдаленных от берега, к чему они страстные охотники.

Неканы живут между даурами; самагирцы преимущественно гнездятся на р. Горинь; маньгунцы обитают между гольдами и гиляками.

От Уссури до р. Горинь живут гольды, на этом пространстве разбросаны отдельно их бревенчатые дома и значительные селения. Племя гольдов от природы доброе, кроткое, боязливое и сродни с прибрежною жизнью – трехзубчатая пика есть неотступное их оружие, с которым они нередко вступают в борьбу с хищными зверями.

Из всех племен, населяющих Амур, самое многочисленное – это гиляки. Они занимают все пространство до Усть-Амура и распространялись даже по морскому берегу к северу и югу от лимана и на острове Сахалине (рис. 4).

Туземные племена, населяющие Амур, за исключением маньчжуров, почти не представляют никакого различия по своей наружности. Везде встречается одинаковый тип азиатского происхождения: широкое лицо, приплюснутый нос, полузажмуренные глаза... черные волосы, заплетенные в косу, рост средний и телосложение крепкое. Одежда их заключается в широкой рубашке китайского покрова, просторных холщевых брюках, обувь сапта без всякого фасона; сверх рубашки носят короткий кафтан из звериных и рыбьих шкур, подпоясанный кожаным кушаком, к которому прицепляются небольшой нож, медная трубка и кисет с табаком – неразлучные спутники азиата. Зимою они шьют одежду из собачьих и оленевых шкур, надевая их шерстью наверх. Костюм женщины отличается от мужского бисерным украшением, множеством привешенных побрякушек, медных браслетов и колец, которые они продерживают в нос и уши.

Главные их увеселения заключаются в единообразной пляске и песнях, напеваемых... дрожащим голосом.

Обычаи при заключении брака, рождении и погребении суть обряды грубого невежества и суеверия. Так, в случае смерти гиляка имеется обыкновение устраивать могилу в уединенном месте, на берегу реки, вроде маленького домика – там кладут покойника, его любимую одежду, топор, лук, стрелы или винтовку, сети для ловли рыбы; от этой могилы прокладывают тропинку к самому берегу реки на предмет, ежели бы покойнику вздумалось сойти к реке и полюбоваться на воду, где он провел почти всю свою жизнь!... Иногда ставят там привязанную лодку с веслами, если бы ему пришла охота прогуляться и попробовать прежнего своего удальства.

В общественном их быту сохранились также некоторые особенности. Так, хозяин дома любимому своему другу при посещении уступает все свои права и ложе своей законной подруги. Ежели жена, изменив супружеской верности, бежит с соблазнителем, обиженный супруг, отыскав предателя, до истечения недели имеет право убить его; ежели он их найдет после этого срока, но не далее месяца, то вправе только отнять свою подругу; после же этого времени он теряет все права на предмет своей любви.

Религиозные их понятия заключаются в грубых предрассудках идолопоклонства и суеверного шаманства. У гиляков медведь в религиозных обрядах разыгрывает также

Рис. 4. Гиляцкая деревня. Л. 14.

немаловажную роль. В декабре бывает у них так называемый большой медвежий праздник. При огромном стечении народа с окрестностей, плясках, играх и увеселениях его (медведя) закалывают и съедают за общественной трапезой.

Рыбная ловля питает все без исключения полуоседлые племена Амура, и потому их селения – зимние жилища – построены у главного русла реки, со всеми приспособлениями для успешного рыболовства и с сушильнями для изготовления юкулы, т.е. вяленой на солнце рыбы, которая в продолжение зимы питает как хозяев, так и многочисленные стаи их собак. Зимники, или постоянные дома, в этих селениях похожи на большие квадратные сараи с нарами вдоль стен, вокруг печи. Труба печи выведена обыкновенно снаружи дома, так что дым, проходя в нее, проходит по всем нарам и тем согревает лежащую на них публику. В таком доме помещается вся семья от деда до внучат, которая доходит иногда до 40 человек мужского и женского пола. Вокруг домов и вдоль по берегу устанавливаются сушильни для рыбы и сетей. При каждом селении для успешного лова и разъездов находится значительное число лодок оригинальной наружности, которые по своей вместительности и ходкости вполне удовлетворяют своему назначению. Лодки эти состоят из трех широких досок, нижняя из которых, заменяющая дно, несколько выгнута к оконечностям, а боковые приставлены к ней на ребро и скреплены деревянными нагелями. Размеры лодки бывают весьма разнообразные и каждый гребец имеет по 2 коротких весла с широкими лопастями. Для непродолжительных и спешных разъездов все вообще племена Амура употребляют род челноков из бересты, называемой оморочи. Эти челноки замечательны по своей легкости и ходкости, но при управлении требуют большого навыка и ловкости.

В зимнее время сообщение между селениями производится на собаках в легких нартах. Этот род езды преимущественно развит в низовьях Амура и на взморье между гиляками. При выпадающих глубоких снегах, при местности необыкновенно гористой только езда на собаках представляет туземцам там некоторые удобства. Езда на собаках может обратить внимание любознательного путешественника, не знакомого с устройством здешних повозок и оригинально придуманной упряжки. Так называемые нарты – это есть длинные салазки на узких полозьях длиною около 4 1/2 аршина, переплетенные кругом тонкими ремешками; передняя часть скрепляется полукруглой ветчиной, отсюда проведен соразмерной длины ремень, к которому приделаны петли с шлею, надевающиеся при запряжке на шею собак. Собак впряжен в нарту до 13, смотря по тяжести; одна из них бежит впереди, указывая направление остальным. По ровной местности на одних и тех же собаках переезды совершаются чрезвычайно

быстро; в один день иногда делают до 100 верст. Быстрота езды во многом зависит от умения управлять собаками и ловкости проводника – каюра. Животные эти (собаки) чрезвычайно послушны. Нескольких употребительных слов, как-то: ках, ках (трогай с места), тах, тах (направо), кух (налево) – достаточно, чтобы заставить собак сделать все нужные повороты и быть в полном повиновении каюра. Только в случае надобности, в особенности при спусках, для удержания от скорой езды, каюр вкладывает свой острый деревянной палкой (острый железным наконечником) между передними копытьями нарты и таким образом, буровя твердую поверхность дороги, старается по возможности сдерживать собак и повозку, давая ей через то должное направление; однако ж случается, что и эти послушные животные иногда выходят совершенно из повиновения: иногда, почуя свежий зверинный след, или за птицею собаки бросаются с изумительной быстротою и нет сил и возможности удержать их.

Вообще все племена, населяющие Амур, более или менее между собою перемешаны и носят общий характер как в нравственном, так и в общественном быту, свойственном племенам тунгусского происхождения. И только одни гиляки держат себя отдельно от прочих; многочисленные их деревни расположены среди наших городов и селений, и распространение земледелия между туземцами должно пасть на долю этих кротких обитателей низовья Амура. Для этой цели заботливостью местного управления устраиваются ремесленные гиляцкие школы, которые должны служить основою развития между ними сельского хозяйства, промышленности, улучшения их общественного быта, нравственности и будущего благодеяния этой страны!... Ежели же принять земледелие основою благодеяния народов, источником изобилия и богатства края, то Амур есть единственная страна, где обитатели его со временем могут достигнуть высшей степени процветания!...¹⁴

Примечания

¹ Титова З.Д. Обзор этнографических материалов XVII–XIX вв. о народах Сибири Отдела рукописей Российской Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. // Сов. этнография. 1972. № 2. С. 74–84.

² Российская Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей (далее – РПБ ОР). Ф. 1000. Оп. 4. № 110.

³ Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ государства на 1859–1860 гг. Ч. II. СПб. С. 332.

⁴ Адрес-календарь... на 1862–1863 гг. Ч. II. СПб. С. 426.

⁵ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлению в Российской империи на 1871 г. Ч. II. СПб. С. 453.

⁶ См.: РПБ ОР. Ф. 1000. Оп. 4. № 110. Л. 1–2.

⁷ «Русский художественный листок» (точное название) издавался в С.-Петербурге с 1851 по 1862 г. В № 15 за 1859 г. в нем опубликована статья без подписи, озаглавленная «Племена Приморского края», в которой содержатся весьма краткие этнографические сведения о народах Приморья. Текст этой статьи не идентичен рукописи, и точно установить, что материал ее взят из «Альбома» Г. Бильдзукевича, не удалось.

⁸ Р. Горбиза – приток Шилки.

⁹ Орочены – старое племенное и территориальное название эвенков (тунгусов). Ороченами назывались также мелкие локальные и родовые подразделения. Орочены – самоназвание эвенков-оленеводов от Забайкалья до Зейско-Уссурийского района.

¹⁰ Р. Зея.

¹¹ РПБ ОР. Ф. 1000. Оп. 4. № 110. Л. 21 об. – 26.

¹² Там же. Л. 41 об.

¹³ Все это старые племенные и территориальные названия тунгусов.

¹⁴ РПБ ОР. Ф. 1000. Оп. 4. № 110. Л. 43 об.–51 об.

Z.D. Titova. G.S. Bildzukevich and his «Picturesque album»

The article narrates of the life and work activities of a 19th century's nonprofessional ethnographer G.S. Bildzukevich and provides an extract from his «Picturesque album». The work of Bildzukevich contains valuable information on the religious beliefs, family, daily life and customs of the peoples of the 19th century Arctic.